

Достаточность Священного Писания для апологетики

Майкл Дж. Крюгер*

Чтобы доказать истинность христианства, вполне достаточно строчки из песенки, которую поют малыши в воскресной школе: «Так мне Библия говорит». Этот факт (а именно: Библия говорит) должен убедить христиан в том, что невозможно защищать свою веру, занимая так называемую «нейтральную позицию». Однако сегодня многие верующие пытаются делать именно это, поскольку попали под влияние современной модернистской и постмодернистской идеологии. Но христианин в принципе не может занять нейтральную позицию, потому что он заранее не согласен с неверующим относительно природы знания, то есть он уже занял определенную позицию. Кроме того, «нейтральность» не приведет к успеху, поскольку она позволяет неверующему не принимать авторитета Библии. Занимать нейтральную позицию — значит вступать в противоречие с Библией, которая учит, что начало всякого знания — Христос. И поскольку Библия — достаточное основание для апологетики, христиане должны не только защищать свое мировоззрение, но и критиковать мировоззрение неверующих. Бог требует, чтобы интеллект человека был подчинен Ему полностью, а не частично, поэтому апологетика должна затрагивать богословские убеждения человека, а не только философские. Если христианин будет вести спор, исходя из той предпосылки, что Библия является высшим авторитетом, за ним останется последнее слово в споре с неверующим.

* * * * *

Роберт Реймонд пишет, что основополагающий вопрос апологетики заключается в следующем: «Откуда я знаю, что то, во что я верю, — истина?»¹. Большинство верующих согласны, что это важный вопрос, но все дают на него разные ответы. Некоторые говорят, что считают христианство истиной, потому что оно соответствует научным, историческим и философским свидетельствам. Другие полагают, что христианство истинно, потому что оно помогает решить проблемы и улучшить качество жизни. Третьи считают, что искать рациональные причины для веры вовсе не нужно. Как бы смешно это ни звучало, все они знают правильный ответ на этот вопрос, хотя и спорят друг с другом. Когда речь заходит об апологетике, все соглашаются с утверждением, которое вынес в заглавие своей книги Роберт Фулхэм: «Все, что нужно было знать, я узнал в детсадовском возрасте». Если бы христиане задумались над смыслом этих простых и в то же время глубоких слов детской песенки «Любит мой Иисус меня! Это твердо знаю я», они тотчас нашли бы ответ на вопрос, почему нужно верить: «Так мне Библия говорит».

Несомненно, кое-кто, прочитав этот ответ, отрицательно помотает головой: «Так говорит мне Библия? И всё? Если бы мне было пять лет, я бы согласился, но я уже

*Майкл Дж. Крюгер — соискатель степени доктора философии в области Нового Завета и раннего христианства в «Новом колледже» Эдинбургского университета. Выпускник Вестминстерской богословской семинарии в Калифорнии, он несет служение помощника пастора в «Церкви Искупителя» в г. Меса, шт. Аризона.

Эта статья впервые была опубликована в *The Master's Seminary Journal* 12/1 (Spring 2001): 69-87. Переведена и размещена на сайте www.propovedi.ru с согласия правообладателя.

¹ Robert L. Reymond, *The Justification of Knowledge* (Phillipsburg, N.J.: Presbyterian and Reformed, 1984), 5-6.

вышел из детского возраста, и такой ответ меня не устраивает. Все знают, что нельзя считать истинным то, истинность чего ты собираешься доказывать. Чтобы доказать истинность Библии, нельзя пользоваться Библией. Нужна общая точка отсчета, какое-то утверждение, с которым и я, и неверующий были бы изначально согласны. И начиная с этой точки, я могу доказать свою христианскую позицию».

Так считают сегодня многие евангельские христиане. На примере апологетики особенно явно видно, что церковь постепенно отходит от принципа достаточности Писания. Так, некоторые апологеты-христиане говорят: чтобы мир услышал наши аргументы в пользу христианских истин, следует занять нейтральную и непредвзятую позицию относительно истинности Библии². Это означает, что верующий, если он хочет показать истинность Библии, а следовательно, и христианской веры, должен сначала признать, что априори он ничего не знает, что он ни за, ни против христианства, что он занимает нейтральную позицию. Потом он должен попытаться доказать достоверность Библии при помощи логики и здравого смысла. Если у него получится это сделать, тогда он сможет апеллировать к Библии как к авторитетному источнику знания. Таким образом, истинность Библии обосновывается, а не принимается как исходный постулат.

Цель данной статьи — подвергнуть сомнению этот ныне распространенный апологетический метод. Если последовательно применять принцип достаточности и авторитетности Писания, тогда его надо признать эпистемологическим основанием веры, хотя такой подход для многих выглядит упрощенным и нелогичным. Бог не хочет, чтобы христиане, защищая христианство, оставляли Его Слово пылиться на полке. Мало этого, если они это делают, они тем самым показывают, что не считают Слово Божье авторитетом в каждой сфере своей жизни — они не признают его авторитет, например, в апологетике. Библии достаточно не только для *формирования* христианского мировоззрения, но и для его *защиты*.

Конечно, это не значит, что апологетика представляет собой простое бесконечное цитирование Библии. Напротив, приводить внебиблейские сведения в разговоре с неверующим вполне допустимо и даже необходимо (речь об этом пойдет ниже). Это значит, что христианство должно считаться истиной, потому что Слово Божье говорит, что это истина. Бансен утверждает: «Главным основанием уверенности христианина в авторитетности своей аргументации должно являться Слово Божье»³.

И вообще, Библия — это Слово Бога. Можно ли вообразить, что существует более авторитетное основание, на которое можно опереться для доказательства истинности христианства? Разве можно найти что-то более несомненное во всем мире? Защищая свою веру, верующие должны перестать искать мнимую объективность и строго следовать наставлениям Петра: «*Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением*» (1 Пет. 3:15; курсив мой — М. К.).

Корень проблемы: почему христиане так стремятся быть нейтральными?

Почему сегодняшние апологеты так стремятся быть «нейтральными», защищая христианскую веру? Ответ на этот вопрос достаточно сложен. На них оказывает

² Такого взгляда придерживается Деннис МакКаллам в книге «Христианство — логичная вера» (Dennis MacCullum, *Christianity: The Faith That Makes Sense*, Wheaton, Ill.: Tyndale House, 1992): «Если мы честны перед собой, то займем *нейтральную* позицию, решая во что верить» (11; курсив мой — М. К.).

³ Greg Bahnsen, *Always Ready* (Atlanta: American Vision, 1996), 68.

влияние две современные интеллектуальные парадигмы, которые вынуждают вынести Библию за скобки дискуссии: модернистская и постмодернистская.

Модернистское мышление породила философия эпохи Возрождения и Просвещения в XVI–XVII веках⁴. Роль стража истины перешла от церкви к науке. Архаичный догматизм и иррациональные размышления ушли в прошлое: наука, в основе которой лежала рациональность, стала новым богом, и теперь любая интеллектуальная теория, если хотела получить право на жизнь, должна была отдавать ей дань, подчиняться ее требованиям. Наука считала, что христиане — это наивные люди, которые верят в древние мифы и неспособны воспринимать мир непредвзято и объективно. Итак, модернистское мышление основывается на следующей идее: человечество, вооружившись разумом и наукой, само сможет изыскать абсолютную истину и беспрепятственно двигаться к лучшей жизни. Можно сказать, что по сути модернистское мышление — это воспевание человеческой независимости.

Чарльз Дарвин в своей книге «Происхождение видов», в редакции 1859 года, назвал христианский взгляд «любопытным примером ослепления, вызываемого предвзятым мнением»⁵. Дарвин, подобно большинству современных эволюционистов, видел лишь два возможных объяснения происхождения видов. Первое — эволюционистская теория, научная, объективная, основанная на опыте. Второе — христианская теория, умозрительная, необъективная, иррациональная, ненаучная, основанная на вере. Выбор очевиден. Кто пожелает предпочесть науке религию? Кто станет отрицать очевидные эмпирические данные ради мифов и догадок?

Под давлением модернистского мышления многие христиане модифицировали свою апологетическую стратегию. Чтобы избежать обвинения в предвзятости, предубежденности, они выносят Библию за скобки дискуссии, оправдывая это тем, что доказываемое утверждение не может быть одновременно и доказательством. Стремясь подтвердить, что достоверность христианства может быть доказана научно, они настаивают на том, что научные доказательства, и только они, должны решать исход спора. Поэтому они начинают строить свою аргументацию с предположения о том, что им изначально не известно, истинно христианство или нет, надеясь, что таким образом заслужат доверие неверующего собеседника, а затем покажут ему, что факты говорят сами за себя и неопровержимо доказывают истинность христианства⁶.

⁴ Мысль эпохи Просвещения хорошо исследована в следующем труде: Ernst Cassirer, *The Philosophy of the Enlightenment* (Princeton, N.J.: Princeton University, 1951).

⁵ Charles Darwin, *The Origin of Species* (New York: The Modern Library, 1859), 369.

⁶ Многие христиане из самых лучших побуждений защищают веру «фактами», как будто факты сами по себе обладают решающим значением, независимо от философских предпосылок, которыми эти факты трактуются. Бытует мнение, что неверующие в состоянии сами интерпретировать факты и делать выводы. Филипп Джонсон в своей не так давно изданной книге «Дарвин под следствием» (*Darwin on Trial*, Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 1993) собирает множество свидетельств против дарвинизма, однако даже он пытается оперировать только фактами и не принимает Библию в расчет: «Я не хочу становиться ни на чью сторону в конфликте между Библией и наукой. Я хочу провести независимое научное исследование истории жизни» (р. 157). Джонсон, который обычно точно определяет, какие предпосылки лежат в основе тех или иных утверждений, в этот раз полагает, что «объективные» факты способны поставить точку в этом споре. Пол Литтл, как следует из его книги «Знай, почему ты веришь» (*Know Why You Believe*, Wheaton, Ill.: Victor, 1981), не до конца осознает, что умственные способности человека испорчены грехом, поэтому он неспособен правильно интерпретировать факты. Литтл считает, что проблема в воле человека, а не в испорченном интеллекте: «[Неверующие] не *хотят* поверить. Проблема здесь не в способности мыслить, а в стремлении воли» (р. 43). Наконец, Билл Брайт в предисловии к книге Джоша Макдауэлла «Неоспоримые свидетельства» (Москва: Протестант, 1993, Josh McDowell, *Evidence That Demands a Verdict*, vol. 1, San Bernadino, Calif.: Here's Life, 1979) пишет: «Лично я никогда не встречал человека, который бы честно рассмотрел все свидетельства и не признал, что

Однако, пользуясь такой апологетической стратегией, верующие часто не осознают, что в качестве достоверных критериев истинности они видят только модернистские критерии — разум и науку. Вместо того чтобы *поставить их под сомнение* и настаивать, что единственным критерием истинности является Библия, они пытаются *соответствовать* критерию истинности модернистов. Стремясь выиграть у ученых спор, правила которого установили сами ученые, апологеты ищут философские, исторические и научные доказательства. В этом дискуссионном процессе к Библии они прибегают лишь на заключительном этапе.

Постмодернистское мышление, хотя имеет мало общего с модернистским, сегодня оказывает на апологетику евангельских христиан ничуть не меньшее влияние. Первое отличается от второго тем, что отрицает наличие объективной истины. Его девиз звучит так: абсолютная истина — в том, что абсолютной истины нет. Терпимость — главная постмодернистская добродетель, а исключительность — главное зло. Истина основана не на объективной реальности или некоем авторитетном «тексте», а просто формируется разумом отдельного индивида. Отсюда родилась идея радикальной деконструкции Стенли Фиша, Ричарда Рорти и Жака Дерриды, ныне популярная в академических кругах. Теория деконструкции утверждает, что любой текст наделяется смыслом социальным институтом, и задача читателя дать ему свою интерпретацию, исходя из собственного опыта и мировоззренческих предпосылок. В таком случае не может быть «правильного» или «неправильного» толкования. Филипс и Окхольм приводят следующий пример:

Как тогда можно говорить о существовании реальности вне своего «я»? Мы создаем реальность словами. Постмодернизм рассматривает язык с прагматической точки зрения. Истинных утверждений не существует. Вопрос только в том, какие слова нам выгодно использовать⁷.

Итак, постмодернистское мышление, как и модернистское, — это превознесение независимого человека. Несмотря на то, что они во многом отличаются друг от друга, у них есть один общий элемент: человек — мерило истины.

Совершенно очевидно, что эти релятивизм и плюрализм также оказали огромное влияние на методы апологетики. Постмодернисты проявляют нетерпимость (рагуя за терпимость) ко всем, кто претендует на знание абсолютной истины. Поэтому христиане перестали настаивать на собственной правоте и снова вынесли Библию за скобки дискуссии. Библия ведь догматичная книга, а отстаивать догматизм неудобно, поскольку он убивает у современного человека, живущего в постмодернистской культуре, всякое желание слушать. Кроме того, теория деконструкции объяснила нам, что текст не может обладать авторитетом. Филипс и Окхольм отмечают: «Люди постмодернистской культуры невосприимчивы к метанаррациям (метаповествованиям), навязывающим им определенное понимание истины»⁸.

Если же в споре с постмодернистом апологет не может сослаться на Библию, значит, нужно придумать какой-то другой аргумент, который бы убедил собеседника принять христианство. И здесь евангельские христиане снова пытаются пользоваться

Иисус Христос — Сын Божий и Спаситель человечества. Факты, свидетельствующие о божественности Господа Иисуса Христа, убедительны для любого, кто пытается быть честным и непредвзятым в поиске истины». Но кто ищет истину честно и непредвзято?

⁷ Timothy R. Phillips and Dennis L. Okholm, eds., *Christian Apologetics in the Postmodern World* (Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 1995), 13.

⁸ Ibid, 22

критериями истинности, позаимствованными у своих оппонентов, вместо того чтобы подвергнуть их критике. Каков же критерий истины у постмодерниста? Истинно и правильно то, что «работает». Постмодерниста, в отличие от модерниста, не волнует абсолютная истина; у него своя «истина», которую он определяет для себя, исходя из прагматических соображений: от чего я буду чувствовать себя лучше? что поможет мне решить проблемы? что меня привлекает? Поэтому большинство апологетов, да и проповедников, пытаются подстроиться под потребности своих слушателей. Они убеждают людей принять христианство, потому что оно полезно: человек должен стать христианином, тогда станет лучше себя чувствовать, улучшит качество своей жизни, обретет внутренний мир и т.д.⁹

Сборник статей «Христианская апологетика в постмодернистском мире» под редакцией Филиппа и Окхольма — отличная иллюстрация того, как постмодернизм влияет на методы апологетики. В нем разные авторы предлагают свои варианты реакции на вызов, брошенный постмодернизмом. Некоторые статьи действительно интересны и полезны, однако большинство из них представляют собой образец влияния постмодернизма на апологетику, хотя должны были быть образцом влияния апологетики на постмодернизм. Возьмем хотя бы статью Филиппа Кеннесона «Объективной истины нет, и это тоже хорошо»¹⁰. Как следует из заглавия, Кеннесон отрицает понятие объективной истины и даже утверждает, что вера в объективную истину «губит церковь»¹¹. Он пишет:

Я понимаю, что многие христиане считают, что утверждение «Иисус Христос — Господь вселенной» — это объективная истина. И здесь мы подвергаемся искушению настаивать, что это утверждение истинно, независимо от того, верит в него еще кто-нибудь или нет. Однако поддаться такому искушению — значит обречь церковь на неминуемую гибель. Нет такой точки зрения, в соответствии с которой это утверждение будет истинно само по себе¹².

⁹ Здесь я хотел бы пояснить свою позицию. Я совершенно не хочу сказать, что нельзя говорить о благословениях и преимуществах, которые приносит христианство. Оно на самом деле дает радость, умиротворение, надежду и т.д. Замечательно, что многих людей это привлекает. Кроме того, мы должны говорить об этом, проповедуя Евангелие, чтобы люди имели представление о настоящей жизни с избытком во Христе. Однако благословения и преимущества христианской жизни ни в коем случае нельзя представлять в качестве *главного доказательства* истинности христианства, потому что в таком случае критерием истины становится прагматизм. Что тогда ответить неверующему, если он скажет, что ему больше подходит индуизм, потому что дает ему еще больше мира и надежды? Превратив прагматизм в основной апологетический аргумент, мы позволяем человеку назвать истиной то, что ему больше подходит или нравится. В идеале, свою апологетику мы должны строить исключительно на авторитете Библии и при этом рассказывать о том, какие очевидные благословения и преимущества приносит христианская жизнь.

¹⁰ Уже в заголовке этой статьи содержится противоречие. Можно ли считать объективной истиной утверждение, что «объективной истины нет»? Если нет, то автор заблуждается, а если да, то автор все равно заблуждается, потому что, согласно названию, объективной истины не существует. Кеннесон противоречит сам себе. Он стремится избежать обвинения в противоречивости, говоря, что не верит в «релятивизм», который считает оборотной стороной объективной истины. Он утверждает, что, отвергая релятивизм, необходимо отвергнуть и объективную истину. В таком случае остается задать вопрос, есть ли объективная истина в том, что отвержение релятивизма неизбежно влечет отвержение объективной истины. Каким бы ни был ответ, утвердительным или отрицательным, он показывает, что Кеннесон противоречит сам себе.

¹¹ *Christian Apologetics in the Postmodern World*, Phillips and Okholm, eds., 156.

¹² *Ibid*, 167.

А если Библия и есть эта точка зрения? Разве Писанием нельзя проверить, является ли какое-либо утверждение объективной истиной? Кеннесон привел свою апологетику в соответствие с требованиями постмодернизма, поэтому у него Библия не играет особой роли и совершенно не имеет авторитета. Естественно, что в его представлении, Библия не может побудить постмодернистский мир уверовать во Христа¹³. Вместо нее используется значительно более прагматичная идея: люди становятся христианами, потому что «нравственная жизнь церкви наделяет ее авторитетом», и это привлекает их к христианству¹⁴. Иными словами, неверующий может убедиться в том, что христианство «истинно», когда увидит, что оно «работает» — меняет жизнь человека к лучшему.

Весьма похвально, что Кеннесон подчеркивает те позитивные моменты в церкви, которые могут заинтересовать мир, — свидетельство, подкрепленное делом, прославляет Бога и привлекает людей. Однако его попытки доказать истинность христианства его полезностью приводят к тому, что христианская весть теряет право призывать неверующего к ответу за свою независимую от Бога жизнь. Ниже мы подробнее поговорим об этом, а также о других идеях Кеннесона, которые в целом отражают позицию остальных авторов этой книги.

Итак, модернистское и постмодернистское мышление оказало серьезное влияние на методы апологетики. Библия постепенно перестала рассматриваться как основное доказательство истинности веры — им стала объективность. Модернист и постмодернист, требуя объективности, выдвигают каждый свои критерии истинности: первый желает, чтобы доказательства были научны и рациональны, а второй хочет видеть, помогает ли та или иная теория улучшить жизнь. Несомненно, христиане обязаны быть в курсе того, что происходит в современной культуре, и так выстраивать свою апологетику, чтобы она соответствовала запросам времени. Однако, судя по всему, в этом вопросе они переусердствовали и позволили неверующим оппонентам установить свои правила ведения спора. Возможно, желая идти в ногу со временем и сделать свою проповедь более привлекательной для слушающего, они изменили фундаментальную основу христианской апологетики. Но, как отмечает Оз Гиннес, желание быть современным может оказаться крайне опасным:

К тому же, привлекательность современности и актуальности обманчива. Современность быстро устаревает и ставит в парадоксальную ситуацию. Дин Индж совершенно точно выразил мимолетность современности в своей известной фразе: «Вступи в брак с духом века сего, и очень скоро окажешься вдовцом». А Саймон Уэйл о парадоксальности желания быть всегда современным сказал следующее: «Чтобы быть всегда современным, надо всегда говорить вечное»¹⁵.

Хотя в модернистском и постмодернистском обществе принято быть объективным и не знать ничего априори, евангельские христиане не должны выстраивать свою апологетическую систему на этом основании.

Суть проблемы: почему бы не быть нейтральным?

¹³ Слова «Библия» или «Писание», насколько я могу судить, не используются в статье ни разу, а цитата из Библии приведена лишь однажды (1 Пет. 3:15), и то в качестве примера неэффективного метода свидетельства в постмодернистском мире.

¹⁴ Kenneson, “No Such Thing As Objective Truth,” 166.

¹⁵ *Dining with the Devil: The Mega church Movement Flirts with Modernity* (Grand Rapids: Baker, 1993), 63.

Современная культура постоянно толкает христиан к интеллектуальному агностицизму, поэтому они обязательно должны понимать, зачем оказывать сопротивление этому влиянию. Что плохого в том, что апологет стремится к нейтральности и объективности? Верующие не должны этого делать по трем причинам.

Нейтральность невозможна

Иисус говорил, что быть объективным, сохранять интеллектуальный нейтралитет, невозможно: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Мтф. 6:24). Неспособность понять и признать эту истину привела к тому, что многие апологеты христианства допустили ошибку: они не приняли в расчет, что любое мировоззрение — это система идей, и стали оспаривать какие-то отдельные факты, не осознавая, что именно мировоззренческие установки людей определяют то, что эти люди воспринимают как «факт». Иными словами, они забывают, что каждый человек интерпретирует факты через призму своего мировоззрения, поэтому объективность в принципе невозможна¹⁶. Джон Фрейм отмечает, что «нет такого понятия, как эмпирика в чистом виде. Не бывает «просто фактов», то есть фактов без истолкования. Все факты, с которыми мы имеем дело, уже истолкованы в соответствии с существующими представлениями»¹⁷.

Таким образом, христианин спорит с нехристианином не о том, является ли Понтий Пилат исторической личностью, а о самой природе знаний. Христианин, ставший на защиту Библии, вскоре осознает (если он достаточно проницателен), что его задача не в том, чтобы доказать неверующему, что то или иное событие на самом деле имело место в истории, а в том, чтобы изменить его историческое мышление, природу его аргументации и оценки. Иными словами, в споре между христианином и нехристианином очень скоро выясняется, что разногласия касаются не только *предмета* знаний, но и *метода* познания, эпистемологии, поскольку имеет место конфликт мировоззрений.

Поэтому вместо того, чтобы оспаривать или доказывать отдельные факты, как будто неверующий может быть объективным и непредвзятым, следует оспорить саму философию факта, то есть подвергнуть сомнению мировоззрение человека, а не только те выводы, которые он делает на его основании. Как мы уже отмечали выше, рассматривая модернистское и постмодернистское мышление, верующие не должны доказывать истинность своих утверждений в соответствии с критериями истинности, выдвигаемыми их оппонентами. Они должны отвергнуть эти критерии и показать, что единственным критерием является Слово Божье.

¹⁶ Мировоззрение можно определить как систему допущений (или предпосылок), не проверяемых естественной наукой, которой проверяется и толкуется все остальное. Мировоззрение затрагивает не только отдельные убеждения. Это всеобъемлющая система верований, относящихся не только к религиозным идеям, но и ко всем аспектам человеческой жизни, начиная от науки и кончая искусством.

Эту идею высказывает Томас Кун (он называет мировоззрение «парадигмой») применительно к научным исследованиям и экспериментам. См. Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (Chicago: University of Chicago, 1970).

¹⁷ John Frame, *The Doctrine of the Knowledge of God* (Phillipsburg, N. J.: Presbyterian and Reformed Publishing, 1987) 117.

Если евангельские христиане не смогут изменить мировоззренческие предпосылки неверующего, то он просто истолкует предоставленные ими факты в соответствии со своим мировоззрением. Представим себе, что атеист идет по улице Вашингтона, и вдруг перед ним предстает Бог. Как он отреагирует? Поскольку он изначально знает, что Бога нет и сверхъестественных явлений не бывает, он, скорее всего, решит, что у него галлюцинации. Предположим, он пошел дальше по улице и видит, что на лужайке перед Белым домом прогуливается президент США. Решит ли он, что *снова* видит галлюцинацию? Нет, потому что он изначально знает, что президент — реальный человек, живущий в Вашингтоне на Пенсильвания-авеню. Этот пример показывает, что восприятие индивидуумом фактов зависит от его априорного знания.

Приведу еще один пример — шашки и шахматы. В каждой игре свои правила: как можно ходить и как нельзя, как сбивать фигуры, как определить победителя и проигравшего, какая стратегия выигрышная, а какая ведет к проигрышу. Было бы просто абсурдно, если бы шахматист начал критиковать шашкиста за нарушение шахматных правил! Правила и «факты» одной игры отличаются от правил и «фактов» другой. Так же и в споре христианина и нехристианина: поскольку у них разные правила, они не смогут играть в одну игру — любые дебаты ни к чему не приведут. Посмотрите, что пишет Корнилиус Ван Тил:

Человек, согрешив, стал для себя истиной в последней инстанции, хотя раньше такой инстанцией был Бог. Именно эту его предпосылку надо подвергнуть критике, поскольку она является фундаментом нехристианской философии и через ее призму происходит интерпретация всех фактов. *Если эту предпосылку не оспорить, то все факты и аргументы неверующий будет рассматривать, исходя из своей системы координат* (курсив мой — М. К.)¹⁸.

Таким образом, наивно полагать, что голые факты, которыми христианин собирается оперировать в интеллектуальном споре, смогут оказать сколько-нибудь серьезное воздействие на неверующего. Последний не только предубежден — Библия говорит, что он категорически настроен *против* Бога¹⁹. Он ненавидит Бога и при любой возможности подавляет знание о Нем (Рим. 1:18–20; 3:10–18).

Стремление к нейтральности не дает результата

По иронии жизни, стремление найти точки соприкосновения с неверующими в расчете на лучший результат в благовестии становится препятствием для эффективного свидетельства. Похожая ситуация приключилась с юным Давидом, когда он, пытаясь противостоять Голиафу, облачился в доспехи Саула (1 Цар. 17:38–39). Ему казалось, что бой нужно вести в доспехах, но вскоре он понял, что они только мешают. Давид должен был поверить, что Господу виднее, как провести эту битву.

¹⁸ Cornelius Van Til, *The Defense of the Faith* (Phillipsburg, N.J.: Presbyterian and Reformed, 1967) 77.

¹⁹ Герберт Шлосберг приводит удивительный пример пристрастного отношения к христианскому взгляду на сотворение. Он цитирует Д. М. С. Уотсона: «Сама эволюция была признана зоологами не потому, что кто-то наблюдал, как она происходит, и не потому, что ее можно доказать логически. Ее признали потому, что единственной альтернативой эволюции выступает сотворение, а его принятие совершенно немислимо» (*Idols for Destruction* [Wheaton, Ill.: Crossway, 1990] 144). Далее он показывает, как «научные ножны спадают, обнажая идеологические мечи» (*ibid.*, 145).

Неверующий всегда будет требовать от верующего быть объективным, потому что ему кажется, что он объективен. Если верующий пойдет у него на поводу, то проиграет спор в самом его начале и ничего не добьется. Почему? Потому что в тот самый момент, когда верующий зажигает фонарик и начинает вместе с неверующим искать истину, делая вид, что он нейтрален и объективен и ничего не знает, и полагая при этом, что «факты говорят сами за себя», он соглашается с тем, что неверующий способен правильно интерпретировать факты²⁰. Поэтому, когда неверующий обращает факты против христианства, оказывается, что верующему нечем крыть. Ведь «факты говорят сами за себя». Позволять неверующему быть «объективным» — это все равно, что давать ему в руки заряженное ружье. Зачем же удивляться тому, что он начинает стрелять в христиан?²¹

Таким образом, стремление верующего оперировать объективными фактами провоцирует неверующего делать самостоятельные умозаключения, что вполне устраивает людей, живущих в модернистской и постмодернистской культурах (об этом мы говорили выше). Признавая за человеком способность правильно и адекватно мыслить, не опираясь на Библию, мы делаем его мерилom и судьей истины. Он получает право судить, что есть истина, роль эпистемологического авторитета выполняет его «я», а не Библия. Без сомнения, Бог с неприятием смотрит на эту ситуацию, поскольку Он провозгласил Себя непререкаемым авторитетом во всей вселенной и осуждает стремление человека быть независимым и интеллектуально самодостаточным (1 Цар. 2:3; Притч. 1:7; Ис. 40:25; Рим. 10:9; 14:9; Фил. 2:11; 2 Кор. 10:5).

Кроме того, такой метод спора с неверующим даже поощряет его отвергнуть Библию. Если неверующему дозволено принимать собственные решения, исходя из своих представлений (грешных и порочных), естественно, что он примет решение не в пользу Божьего Слова. И даже если, поразмыслив, *он согласится*, что Слово Божье истинно, это ровным счетом ничего не изменит и проблему не решит. Клайв Льюис пронизательно заметил: «Бог даже может выиграть дело — это не важно. Важно, что судейское кресло занимает человек, а Бог находится на скамье подсудимых»²².

Как видно из названия статьи «Объективной истины нет, и это тоже хорошо», Филипп Кеннесон угодил в ловушку, расставленную постмодернистской культурой.

²⁰ Ван Тил так объясняет бесполезность поиска объективности: «Должны ли мы ради нахождения точек соприкосновения допустить, что человек способен правильно истолковать факты, если он не принимает в расчет существование Бога? Доказывая, что ничего нельзя объяснить без Бога, разве можем мы хотя бы вначале не принимать его в расчет? Напротив, мы должны показать, что любые объяснения, не учитывающие Бога, — это не объяснения. И только потом мы можем апеллировать к знанию Бога, которое есть у них внутри и которое они стремятся подавить. Поэтому я и говорю, что правильные суждения возможны только при предположении, что Бог существует» (Van Til, *Defense of the Faith* 200).

²¹ Пример того, что происходит, если позволить неверующему произвольно интерпретировать факты, можно найти в книге «Воскрес ли Иисус из мертвых? Спор о воскресении» под редакцией Терри Мита (Terry L. Miethe, ed., *Did Jesus Rise From the Dead? The Resurrection Debate*, San Francisco: Harper and Row, 1987). Мит написал предисловие к дискуссии между Хабермасом и Флю, отметив: «Каждый из читателей должен внимательно изучить аргументы, пропустить все факты через своего рода сито и решить, чья аргументация наилучшим образом соответствует фактам... Решение за тобой, читатель...» (xvi). Как же тогда быть христианину, если, поразмыслив, неверующий сделает выбор не *в пользу* христианства? Разве мы ему не сказали, что он имеет право самостоятельно изучить факты и у него есть способность верно их истолковать? Таким образом, призывать к объективности — значит проиграть спор в самом его начале.

²² C. S. Lewis, *God in the Dock: Essays on Theology and Ethics*, ed. Walter Hooper (Grand Rapids: Eerdmans, 1970) 244.

Мы уже говорили ранее, его гипотеза о том, что авторитетность христианства определяется его полезностью, дает неверующему право решать, какие именно сообщества, в которых провозглашается вера, отвечают его желаниям и ценностям. В связи с этим Кеннесон даже цитирует деконструкционалиста Ричарда Рорти. Рорти утверждает, что, отказавшись от попыток найти объективную истину, надо сделать следующий шаг — определить, «каким человеком ты хочешь стать». После этой цитаты Кеннесон пишет, что человек должен выбрать среди «сообществ, которые, провозгласив, что есть добро и истина, воплощают свои идеалы в жизнь»²³. Но у нас тут же возникает вопрос: а что, если неверующий решит, что община мормонов достойна доверия и наиболее полно отвечает его желаниям и ценностям? А что, если ему помогут Свидетели Иеговы? Поскольку Кеннесон не считает Писание авторитетным арбитром в споре и роль арбитра передал человеку, он не может ответить на этот вопрос²⁴.

Такой же подход мы встречаем в статье Джона Гея с весьма показательным названием: «Как выбрать себе Бога (и почему я выбрал своего)»²⁵. Несомненно, автор преследовал самые благородные цели, но, похоже, он даже не осознает, что таким названием срубил сук, на котором сидел. Вопрос о том, как неверующему выбрать себе бога, риторический, потому что он уже сделал свой выбор: его бог — он сам (Фил. 3:19). Если верующий предлагает неверующему, врагу Бога, испорченному грехом, выбрать себе бога по своему вкусу, не изменив его вкуса, результат будет предсказуем: неверующий выберет бога, похожего на себя (Втор. 4:28; Пс. 113:16). Ведь если главное правило игры – выбор человека, то на каком основании верующий может оспорить решение неверующего? Вместо того чтобы призывать нехристианина сделать свой «выбор», внушая ему, что он в состоянии принимать независимые решения, христианин должен показать ему, что он не самодостаточен, и призвать признать авторитет Божьего Слова.

Нейтральность противоречит вере в авторитетность Писания

Наконец, последняя причина, по которой не стоит стремиться к нейтральности в интеллектуальном споре, заключается в том, что этот подход противоречит учению Писания, истинность которого он намеревается доказывать! Читаем в Притч. 1:7: «Начало мудрости – страх Господень». Этот стих не говорит о том, что страх Господь появляется у человека *после* того, как он что-то узнал, детально изучил какой-то вопрос и пришел к выводу, что надо бояться Господа. Здесь говорится, что до тех пор, пока человек не будет бояться Бога и не станет думать так, как этого хочет Бог, он вообще ничего не может знать²⁶. Об этом же сказано и в Кол. 2:3: «...[во Христе] сокрыты все

²³ Kenneson, “No Such Thing As Objective Truth,” 162.

²⁴ Д. А. Карсон пишет: «Главным критерием истинности и значимости никак не может служить то, чувствуешь ты, что тебе помогли, или нет. Это не значит, что Евангелие Иисуса Христа *не может* тебе помочь: может, помогает и будет помогать. Это значит, что содержание Евангелия нельзя оценивать или одобрять только лишь на том основании, *чувствуешь* ли ты, что оно тебе помогает. Ибо в противном случае, разве бы Враг душ человеческих, чья любовь к обману небезызвестна, не потратил бы все силы на то, чтобы «помогать» людям и помогать им чувствовать «помощь», чтобы увести их подальше от креста?» (D.A. Carson, *The Gagging of God* [Grand Rapids, Zondervan: 1996], 469).

²⁵ John Gay, “How to Pick Your Own God (And Why I Picked Mine),” размещено на сайте www.everystudent.com, Campus Crusade for Christ, 1996.

²⁶ Есть разница между фразами «понимаю, чтобы верить» (*intelligo ut credum*) и «верю, чтобы понимать» (*credo ut intelligam*).

сокровища премудрости и ведения». Христос не только источник знания о Боге или какого-то другого знания — Он источник *всякого* знания.

В этих отрывках содержится невероятно смелое утверждение: человек не будет иметь знания до тех пор, пока его мышление не будет основываться на принципах Божьего Слова, то есть пока он не начнет мыслить так, как должен мыслить христианин. Поэтому любой верующий, который будет пытаться убедить неверующего в том, что тот ничего не знает, приводя в доказательство объективные факты и не пытаясь сформировать у него христианское мировоззрение, будет вести себя непоследовательно. Как можно утверждать, что Библия — истина в последней инстанции, и в то же время говорить, что ей можно верить потому, что она соответствует неким объективным критериям истинности, сформированным без учета Библии как главного мерила истинности? Если апологет говорит неверующему, что верить Божьему Слову нужно лишь потому, что оно было подтверждено данными естественных наук, археологии и истории, то он утверждает авторитет не Библии, а этих научных дисциплин. Ричард Пратт пишет об этом так:

Если вера во Христа основана на логической непротиворечивости, исторических свидетельствах и научных доказательствах, то Христос все еще не обладает высшим авторитетом. Другие основания оказываются более авторитетными, чем сам Христос. Можно сказать иначе: если вера в христианские истины появляется лишь после того, как слова Христа проходят проверку человеческими суждениями, значит, высшим авторитетом обладают эти суждения²⁷.

Таким образом, можно сделать вывод: христиане должны мыслить как христиане и прибегать к христианским принципам даже тогда, когда полемизируют относительно истинности христианской позиции. Это и есть полемика на уровне *предпосылок*²⁸. Мы будем последовательными только в том случае, если признаем, что Библия является главным интеллектуальным критерием во всей вселенной.

Многие истинные христиане не могут понять этого, поэтому не принимают в расчет ключевые отрывки Писания. Например, если они верят Библии, потому что написанное в ней соответствует научным открытиям, им трудно будет поверить, что некоторые другие отрывки, содержание которых не соответствует современным научным догмам, тоже истинны. В таком случае они будут выдвигать альтернативное толкование либо отвергать достоверность этих библейских отрывков. Если они определяют достоверность Писания другими критериями истинности помимо самой Библии (например, наукой или прагматизмом), значит, авторитет Библии для них будет не выше авторитета этих критериев истинности.

²⁷ Richard L. Pratt, *Every Thought Captive* (Phillipsburg, N.J.: Presbyterian and Reformed, 1979) 79-80.

²⁸ Признание того факта, что христианство — основание всякого знания, является основой предпосылочного метода апологетики, отличающего последний от остальных. Ван Тил говорит, что «любой другой метод апологетики предполагает, что человек изначально может иметь определенное знание о себе и о вселенной, а *затем* задаваться вопросом, существует ли Бог и верно ли христианство. Апологет, придерживающийся реформатских позиций, предполагает, что человек может знать что-либо о себе и о вселенной лишь только потому, что Бог существует, а христианство истинно» (Van Til, *Defense of the Faith* 223).

Это не означает, что верующие не могут опираться на научные факты, которые придают им уверенности в их христианской вере²⁹. Важно демонстрировать историческую достоверность библейских текстов, показывать, что научные данные не противоречат библейскому описанию сотворения. Верующим также следует приводить внебиблейские факты, согласующиеся с библейскими утверждениями. Все это допустимые и важные типы аргументации. В то же время их нельзя ставить выше Библии, придавать им статус объективных фактов, имеющих значение без библейской интерпретации. Эти факты — это то, что сделал Бог. И толковать их следует в соответствии со Словом Бога. Если неверующий не будет этого понимать, он истолкует эти факты превратно, не в пользу христианства. Джон Фрейм пришел к верному заключению: «В апологетике могут использоваться внебиблейские данные, но не в качестве независимого критерия, оценивающего Писание»³⁰.

И здесь многие возразят: получается, что для доказательства христианского мировоззрения нужно принять христианское мировоззрение? Разве это не порочный круг? Да, в определенной степени это порочный круг. В большинстве случаев такие рассуждения являются логической ошибкой, но когда идет речь о наивысшем интеллектуальном критерии, то логического круга не избежать³¹. Если истинность Библии подтверждать каким-то другим авторитетным доказательством, тогда она перестанет быть высшим критерием истинности — им будет что-то другое. Это касается любой философской системы. Джон Фрейм отмечает:

У любой философии, если она последовательна, есть свои стандарты истинности. Те, кто верит, что высшим авторитетом является человеческий разум, рационалисты, отстаивая рационализм, основываются на суждениях разума. Те, кто высшим авторитетом наделяют чувства и опыт, эмпирики, считают, что истинность доказывается эмпирически. Скептики должны скептически относиться к своему скептицизму (это, несомненно, их ахиллесова пята). Иначе говоря, ведя спор об основополагающем критерии... человек должен пользоваться этим критерием, чтобы отстоять свою позицию. Если это порочный круг, то все совершают эту ошибку³².

²⁹ О правильном использовании исторических и других свидетельств в рамках использования предпосылочного метода апологетики читайте в книге Тома Нотаро (Thom Notaro, *Van Til and the Use of Evidence* (Phillipsburg, N.J.: Presbyterian and Reformed, 1980).

³⁰ Frame, *Apologetics to the Glory of God* (Phillipsburg, N.J.: Presbyterian and Reformed, 1994) 21.

³¹ Отрицание порочного круга при определении высшего авторитета неизбежно приводит к бесконечной регрессии. Например, человек придерживается определенного убеждения А. Когда его убеждение А подвергают сомнению, он находит аргументы В и С. Если сомнению подвергнут достоверность В и С, ему придется находить аргументы D, E, F и G, чтобы доказать В и С. И так можно продолжать до бесконечности. Естественно, что в какой-то момент этот процесс должен остановиться, потому что бесконечная регрессия аргументов не может привести к заключительному истинному выводу. Поэтому любое мировоззрение, а соответственно, и каждый аргумент, должно иметь не требующий доказательств отправной пункт. Приведем другой пример. Допустим, некто требует у вас доказательств, что метровая линейка действительно имеет длину 1 метр. Вы можете сходить к соседу и проверить, одинаковой ли длины ваш метр и его. Но тогда этот некто спросит вас, как вы докажете, что *соседский* метр действительно равен одному метру. Так будет продолжаться до тех пор, пока вы не найдете метр, длина которого точно будет один метр. И такой метр, насколько я знаю, действительно есть. Это брусок из платиново-иридиевого сплава. Это эталон метра, по которому сверяют все меры длины и определяют метр. И если кто-то задаст вопрос, откуда мы знаем, что эталон метра действительно имеет длину в 1 метр, его вопрос неизбежно приведет к порочному кругу рассуждений. То же самое можно сказать и о Священном Писании. Библия не просто оказалась истиной (как метровая линейка). Это и есть высший критерий истины (как эталон метра в Палате мер и весов), а соответственно, исчерпывающее логическое обоснование.

³² John Frame, *Apologetics to the Glory of God*, 10.

Приведем слова Бансена, чтобы еще раз показать, что апологетический метод должен быть предпосылочным:

Верующий обязан провозглашать, что *Слово Божье* — это точка отсчета, непрекаемый авторитет, удостоверяющее само себя основание любой мысли и действия... Когда апологет отталкивается от Слова Божьего, чтобы доказать истинность Слова Божьего, он не сводит на нет свой аргумент, а, скорее, поясняет его³³.

Решение проблемы: как христиане должны вести полемику?

В предыдущих разделах этой статьи мы постарались показать, что основанием апологетики должно быть достаточность и авторитет Библии. Следующий вопрос имеет более осязаемую форму: если в апологетике Библия самодостаточна, то какими способами христиане должны доказывать истинность христианского мировоззрения? Рассмотрим, как можно вести спор, защищая веру, при условии, что авторитет Божьего Слова принят априори.

Не оборона, а наступление

К сожалению, слово «апологетика» рождает в нашем сознании неправильные образы. Создается впечатление, что апологет — это тот, кто защищается: отвечает на вопросы, реагирует на возражения, отражает нападки, а самое главное — изо всех сил пытается не выглядеть глупо. В апологетике есть место и защите, но в целом Писание ставит несколько иной акцент. Бог не желает исполнять роль ответчика, не хочет участвовать в перекрестном допросе, проводимом человеком. Вместо этого Бог бросает неверию вызов и называет неверующих «безумцами» (Пс. 13:1) и утверждает, что они «по суетности ума своего... помрачены в разуме» (Еф. 4:17, 18). Кроме того, как уже отмечалось ранее, Павел ясно говорит, что человек ничего не может знать, если не будет основывать свое мышление на Писании (Притч. 1:7; Кол. 2:3).

Эти отрывки указывают на то, как мы должны проводить полемику. Верующие должны не просто парировать интеллектуальные удары неверующих, но и вести наступление на нехристианское мировоззрение, разоблачая его абсурдность и нелогичность³⁴. Уверенность в Божьем Слове побуждает христианина перейти в наступление: он сравнивает два мировоззрения и показывает, что только христианское мировоззрение дает подлинное основание для знания. Почему именно христианское мировоззрение является основанием для обретения знания? Необходимые условия знания, а именно: логика, наука и нравственность — обладают смыслом только в рамках христианства³⁵. С точки зрения неверующего человека, необходимость этих

³³ Bahnsen, *Always Ready*, 75.

³⁴ Я совсем не имею в виду, что христианин должен переходить на личности, оскорблять и оспаривать любое утверждение неверующего. Мы обязаны всегда вести себя вежливо, терпеливо и доброжелательно. Наступать следует не на самого неверующего, а на его мировоззренческие утверждения.

³⁵ Логика, наука и нравственность совершенно бессмысленны в рамках нехристианского мировоззрения. Например, может ли атеист оправдать универсальность моральных норм и объяснить их происхождение? Нет. Посмотрите, как философ Уильям Лейн Крейг объясняет, почему в атеистическом мировоззрении не может быть универсальных моральных норм:

Если Бога нет, то разве можно говорить о том, что некие стадные инстинкты, которые эволюционно выработались у «хомо сапиенс», являются объективными моральными нормами?

условий необъяснима, поэтому в рамках своего мировоззрения ему не на что опереть знание.

Итак, нехристианин просто обязан поверить в христианство, поскольку у него нет иного выбора, если он желает понять реальность. Если говорить философскими терминами, этот аргумент показывает «невозможность противоположного». Бансен отмечает:

Апологет-христианин, защищающий свои главные предпосылки, должен быть готов выступать в защиту тезиса о *невозможности противоположного*, то есть доказать, что философская позиция неверующего разрушает смысл, разум и саму возможность знаний, в то время как только христианская вера обеспечивает возможность и условия для познания и разумной уверенности³⁶.

Однако, если христианство — единственная система, дающая основание для знаний, то почему нехристиане имеют такие обширные познания? Разве среди них не было умнейших людей? И разве не нехристиане строят мосты, лечат болезни и отправляют людей в космос?

Этот вопрос затрагивает самую суть проблемы неверующего. Неверующий действительно много знает, но знает только потому, что заимствует из христианского мировоззрения предпосылки, на которых выстраивает свое знание. Неверующий поступает вопреки своему мировоззрению (будь то атеизм, агностицизм и т. д.) и временами *мыслит* по-христиански. Он пользуется логикой. Он занимается наукой. Он говорит об абсолютных моральных ценностях. *Однако (и это самое главное) его*

Что особенного в человеке? Это лишь случайный побочный продукт природы, относительно недавно эволюционировавший из мельчайшей пылинки, потерянной во враждебной и безразличной вселенной, обреченный индивидуально и коллективно погибнуть за относительно короткое время. Какое-то действие, например инцест, просто оказалось бесполезным биологически или социально, и в результате человеческой эволюции было табуировано, хотя в целом, с атеистической точки зрения, в кровосмешении нет ничего плохого. И если, как отмечает Курт, «в основании моральных принципов, управляющих поведением, лежит привычка, обычай, чувства и мода», то бунтарь, решивший поправить нормы общественной морали, всего лишь действует вразрез с модой и не совершает серьезного проступка (William Lane Craig, *The Indispensability of Theological Meta-Ethical Foundations for Morality*, <http://www.leaderu.com/offices/billcraig/meta-eth.html>, 4).

Далее, наука возможна лишь при определенных допущениях. Пирси и Тэкстон отмечают: «Научное исследование зависит от определенных допущений о мироздании. Наука невозможна, пока нет этих допущений» (Nancy Pearcey and Charles Thaxton, *The Soul of Science* [Wheaton, Ill.: Crossway, 1994] 21). Чтобы заниматься наукой, необходимо допустить единообразие природы, то есть, что будущее будет подобно прошлому. Однако, у атеиста нет эмпирических причин полагать, что будущее будет похожим на прошлое, ведь в этом мире все просто «случается». Дэвид Юм пишет:

Что же касается прошлого опыта, то он может давать прямые и достоверные сведения только относительно тех именно объектов и того именно периода времени, которые он охватывал. Но почему этот опыт распространяется на будущее время и на другие объекты, которые, насколько нам известно, могут быть подобными первым только по виду? Вот главный вопрос, на рассмотрении которого я нахожу нужным настаивать. Хлеб, который я ел раньше, насыщал меня; другими словами, тело, обладающее известными чувственными качествами, обладало в то время и некоторыми скрытыми силами; но следует ли отсюда, что другой хлеб точно так же должен насыщать меня в другое время и что похожие друг на друга чувственные качества должны быть всегда связаны со сходными скрытыми силами? Вывод этот, по-видимому, вовсе не необходим. (David Hume, *An Enquiry Concerning Human Understanding and Concerning the Principles of Morals*, ed. L. A. Selby-Bigge (Oxford: Clarendon, 1902) 4:2:29).

Таким образом, только приняв христианский взгляд на мир, где Бог творит и утверждает природу, можно предположить, что будущее будет похоже на прошлое.

³⁶ Bahnsen, *Always Ready*, 72.

собственное мировоззрение не предполагает никакого основания для всего перечисленного. Например, атеист может высказывать нравственные суждения («убивать — неправильно», «нельзя загрязнять окружающую среду» и т. д.), но как его собственным мировоззрением объяснить необходимость нравственных абсолютов? В атеистическом мире, в котором нет ничего, кроме материи и молекул, такая категория, как нравственность, совершенно бессмысленна³⁷. Поэтому, чтобы жить рационально, ему приходится поступать так, словно верно христианское мировоззрение, словно на самом деле есть Бог, сотворивший вселенную и установивший ее законы. В этом смысле атеист, для того чтобы иметь знания и рациональное мышление, вынужден принять в качестве предпосылки христианское мировоззрение.

Таким образом, неверующий — это воплощенное противоречие. На словах он отвергает христианского Бога, провозглашая, что Его нет, а потом действует с точностью до наоборот и живет так, будто такой Бог на самом деле есть. Он утверждает, что вселенная — это случайное движение материи, а потом целует свою жену, как будто в мире существует «любовь». Он провозглашает, что в мире действует естественный отбор и выживает сильнейший, но негодует, когда в вечерних новостях рассказывают об убийствах и изнасилованиях. Павел описывает ту же ситуацию в первой главе Послания к римлянам, он говорит, что в глубине сердца неверующий знает Бога, но подавляет истину неправедностью (Рим. 1:18 и далее).

Вывод один: неверующему нельзя позволять критиковать христианство, пока он не представит альтернативное внутренне непротиворечивое мировоззрение. Когда же он предложит собственное мировоззрение, христианин должен направить на него обоюдоострый меч Божьего Слова и показать, как такое мировоззрение разрушает само себя. Поэтому вместо того, чтобы вязнуть в болоте нейтральности и оправдываться за христианские убеждения, верующие должны использовать Божье Слово по прямому назначению — ниспровергать твердыни (2 Кор. 10:4).

Все или ничего

Из вышесказанного следует, что в апологетике Бог требует полной победы. Он не предлагает Себя в качестве возможного дополнения к разумному существованию человека. Бог нужен человеку не потому, что может объяснить некоторые иначе не объяснимые факты. Нет, человек нуждается в Боге, чтобы иметь знание *как таковое*. Без Бога человек пребывает во тьме невежества и пустоте.

Такое понимание — вызов «минималистскому» подходу в апологетике. Бог не призывает христиан доказывать, что христианство «вероятно», «допустимо» или что оно лучший вариант из нескольких возможных³⁸. Нет, христианство — это

³⁷ Пользоваться предпосылочным методом можно не только в споре с атеистами, но и с представителями других религий. Другие религии также должны объяснить необходимость законов логики, единообразие природы и универсальность моральных норм. Христианину следует проводить *структурную критику* других религий, чтобы продемонстрировать, что боги этих религий — ничто, что они не могут объяснить указанных условий знания. Например, у мормонов не один бог, а много, то есть мормоны — политеисты. В этом случае можно показать, что политеизм как мировоззренческая система не способен обосновать абсолютные моральные ценности, поскольку нет одного бога, который бы определял моральные нормы. А если высший нравственный стандарт есть, то это единственный истинный бог. Если же всем богам дозволено поступать как им заблагорассудится, то абсолютных моральных ценностей быть не может (например, какой-то бог может решить, что изнасилование — это хорошо).

³⁸ Примеров можно привести великое множество, но я ограничусь лишь двумя. Гэри Хабермас в полемике с Энтони Флю о воскресении делает вывод, что «воскресение — это вероятное историческое

единственный вариант для любого человека, не желающего оказаться интеллектуальным безумцем (Пс. 13:1). В мире, созданном самим Христом (Кол. 1:16), который не только создал его, но и поддерживает силой Своего слова (Евр. 1:3), где Он есть Путь, Истина и Жизнь (Ин. 14:6), где в Нем сокрыты все сокровища премудрости и ведения (Кол. 2:3), человек неспособен обладать никаким знанием без Бога.

Конечно, претензия на обладание высшим авторитетом оскорбительна для постмодернистского сознания. Постмодернист дорожит своей независимостью, ему нравится собственная автономия. Меньше всего на свете он желает слышать о зависимости от Бога в вопросе познания. Соответственно, сегодня, ведя полемику с постмодернистами, апологеты ведут себя значительно более мягко и осторожно, отказываясь от подобных радикальных притязаний. Однако такой смягченный подход, вместо того чтобы расположить сердце постмодерниста к верующему, лишь еще раз продемонстрирует ему, что ему необязательно верить в Бога, чтобы иметь знание. Это позволит ему рассматривать Бога всего лишь как интересное дополнение, которое он может сам оценить по своим же независимым стандартам и не обращать внимания на требование Господа всей вселенной об обязательном интеллектуальном покаянии.

Филиппс и Окхольм отстаивают минималистский подход в предисловии к книге «Христианская апологетика в постмодернистском мире»: «В постмодернистском культурном окружении, изначально подвергающем сомнению любые универсальные нормы и метанаррации (метаповествования), церковь сначала должна убедить аудиторию в том, что у нее есть что сказать, соответственно, ее нужно слушать, и только потом церкви стоит высказать предположение, что ее послание *могло бы* (курсив мой — М. К.) оказаться верным»³⁹. А вот что говорит Ван Тил о «минималистском» подходе:

Когда человек говорит, что Бог, *вероятно*, существует, он подрывает авторитет простой и основополагающей библейской истины. Это оскорбляет живого Бога, когда человек, сам будучи сплошь откровением Божиим, таким образом заявляет, что Божье откровение о Себе настолько туманно, что человеку приходится лишь допускать существование Бога... Христианство — это единственное разумное мировоззрение. Оно не просто настолько же разумное, как другие, не немного более разумное, нежели другие. Только христианство — единственное рациональное и разумное мировоззрение, достойное того, чтобы его придерживался человек⁴⁰.

Господство Христа во всех сферах знания абсолютно. И только тогда, когда христиане осознают это и будут выстраивать свою аргументацию в соответствии с этим осознанием, они смогут в апологетике оставаться верными принципу достаточности Писания.

Не только философия, но и богословие

Если по сути своей апологетика — это борьба мировоззрений, то апологету христианства совершенно необходимо понять и ясно изложить *собственное* мировоззрение. Таким образом, апологетика носит богословский и библейский

событие» (Terry L. Miethe, ed., *Did Jesus Rise From the Dead? The Resurrection Debate* 23), а Уильям Лейн Крейг ("Philosophical and Scientific Pointers to *Creation Ex Nihilo*," *Contemporary Perspectives on Religious Epistemology*, Geivett and Sweetman, eds. [New York: Oxford University, 1992]) утверждает, что «с высочайшей вероятностью» можно утверждать, что Бог является первопричиной вселенной (196).

³⁹ Phillips and Okholm, *Christian Apologetics*, 16.

⁴⁰ Van Til, *Defense of the Faith*, 197.

характер⁴¹. Апологет должен не только воспроизвести общеизвестные и остроумные доводы в пользу веры. Он должен настолько хорошо разбираться в библейском учении, чтобы быть способным противопоставлять свои убеждения убеждениям оппонента. Так, апологет, признающий достаточность Писания для защиты веры должен быть не только философом, но и грамотным богословом. Джон Уитком пишет:

Христианин, которого Бог может в наибольшей степени употребить для того, чтобы привести людей ко Христу, возможно, не самый большой специалист в области светской философии, психологии, истории, археологии и естественных наук. Это христианин, в наибольшей степени разбирающийся в Божьем Слове и ежедневно в смирении уповающий на Божью силу и мудрость, необходимую для послушания. Наилучший апологет — это исследователь Библии⁴².

Христиане призваны защищать не «Бога» вообще и не аморфный «теизм». Они должны защищать именно христианское восприятие реальности. Настоящий защитник веры, понимающий достаточность Писания, в богословии видит не просто приложение к апологетике. Наоборот, апологетику он воспринимает как применение богословия. Защищать Писание — значит знать и использовать его.

Заключение

Апостол Павел предупреждал: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). В этой фразе он дает понять, что существует лишь два способа мышления: мышление «по Христу» и «по стихиям мира». Как и Павел, принимаясь за написание этой статьи, мы хотели показать несостоятельность методов, пропагандирующих «нейтральное мышление».

В противовес этому подходу мы постарались объяснить, что христиане должны отстаивать авторитет Библии не только в качестве основания своего богословия, но и как основание самой апологетики. Если Писание является высшим авторитетом во вселенной, то нет никакой другой эпистемологической защиты истинности Библии, кроме ее собственного авторитета, не требующего доказательств. И если христиане будут настаивать на нейтральной точке отсчета и не будут оспаривать интеллектуальные предубеждения оппонентов, то результат будет предсказуем: нехристианские предпосылки неизбежно приведут к нехристианским толкованиям и в конце концов к нехристианским выводам.

Полемика на уровне предпосылок позволит христианам выйти за рамки обсуждения научных мнений и исторического скептицизма и сделать следующий шаг: выбить почву из-под ног неверующего, выявив неспособность его мировоззрения к познанию как таковому. Таким образом, верующим не стоит бояться прибегать к Библии в качестве высшего авторитета в апологетике. Если верующему зададут вопрос, откуда он знает, что христианство истинно, он может смело ответить: «Так мне Библия говорит».

⁴¹ Это не означает, что для апологетики философия не важна или вредна. Напротив, глубокие философские знания могут оказать неоценимую услугу при отстаивании христианских убеждений. В то же время, я полагаю, что все согласятся с тем, что в апологетике нашим главным авторитетом является Библия.

⁴² John C. Whitcomb, Jr., "Contemporary Apologetics and the Christian Faith, Part II: Christian Apologetics and the Divine Solution," *BSac* 134 (1977): 201-2.